

УДК 811.161.1'42+811.161.3'42

Т.Н. Савчук

канд. филол. наук, доц., доц. каф. прикладной лингвистики
Белорусского государственного университета,
докторант каф. белорусского языка и литературы
Минского государственного лингвистического университета

ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ В РУССКО- И БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНОЙ ГУМАНИТАРИСТИКЕ

Рассматриваются закономерности использования причинно-следственного обоснования в русско- и белорусскоязычной гуманитаристике. Определяется роль и специфика каузальной аргументации в дискурсе гуманитарных наук. Выявляются аргументативные модели, основанные на отношении «причина – следствие», производится их типология, характеризуются прагматические различия. Демонстрируется возможность применения логического инструментария к анализу дискурсивных явлений. Устанавливаются закономерности языковой репрезентации когнитивных структур, эксплицируются прагматические свойства аргументативных вербализаторов. На основе анализа фактов рассогласованности семантики и прагматики языковых показателей причинно-следственной аргументации делается вывод о возможности квалифицировать подобное явление как разновидность аргументативных ошибок. Отмечается принципиальное сходство каузальных аргументативных схем в русско- и белорусскоязычном дискурсе. Выявляются совпадения и различия способов объективации причинно-следственных моделей обоснования в научно-гуманитарном дискурсе русского и белорусского языков.

Введение

Научная деятельность невозможна без аргументации: новые идеи требуют обоснования, т.е. подтверждения их достоверности, приемлемости, предпочтительности с целью одобрения и принятия научным сообществом. Свойства аргументации специфицируются предметной областью познания: особенности того или иного типа дискурса проявляются как в когнитивных, так и в языковых структурах обоснования. Их изучение – одна из актуальных задач современной аргументологии. Объектом нашего исследовательского внимания является аргументация в научно-гуманитарном дискурсе.

В данной статье анализ сосредоточен на особенностях использования причинно-следственной схемы обоснования с целью выявления когнитивных структур и закономерности их языковой репрезентации с точки зрения прагматического подхода. Исследование проведено на материале статей, относящихся к различным областям социально-гуманитарного знания (социологии, психологии, культурологии, лингвистике, журналистике), извлеченных из авторитетных научных изданий.

Понятие схемы аргументации

В процессе обоснования аргументатором используются готовые образцы, модели, или схемы рассуждения, выражающие связь между структурными элементами аргументации – посылками (доводами) и тезисом (точкой зрения). Теоретики аргументации рассматривают аргументативные схемы как имеющие конвенциональный характер принципы или правила, позволяющие перенести приемлемость доводов на защищаемую точку зрения, т.е. оправдать следование точки зрения из посылок [1, с. 25]. Подчеркивая принципиальное отличие аргументативных схем от логических, некоторые исследователи склонны считать, что связь в первом случае «является не формальной, а прагматической» [2, с. 225]. Однако, признавая тот факт, что всякий ментальный процесс имеет форму, не учитывать ее в отношении схем обоснования вряд ли возможно. Поэтому, на наш взгляд, уместно использовать менее категоричную формулировку и рассматривать связь между тезисом и доводами, устанавливаемую аргументативной

схемой, как не только формальную, но и (прежде всего) прагматическую: адекватность и убедительность обоснования, качество поддержки доказываемой идеи во многом определяются не только формальным способом соединения тезиса и аргументов, но также их обобщенным содержанием. Схемы, образующие «внутреннюю структуру» одиночной аргументации [3, с. 18], предполагают множественность вариантов содержательного наполнения.

Обобщенное содержание схемы причинно-следственного обоснования

Характерной чертой научного познания является установление причинно-следственных (каузальных) отношений. Поэтому одной из доминирующих в гуманитарном обосновании является схема «причина – следствие», реализация которой имеет специфические проявления в дискурсе гуманитарных наук. Значимость в различных видах познания и ментально-речевой деятельности отношений каузации подтверждается неизменным вниманием к этой категории со стороны представителей логико- и лингвофилософских исследовательских направлений (З. Вендлер, Г.Х. фон Вригт, Б. Рассел, Н.Д. Арутюнова, А.А. Ивин, В.И. Курбатов, Ю.С. Степанов и др.). Ученые: философы, логики, лингвисты, – изучающие закономерности связи языка и мышления, подчеркивают многомерность проблемы причинно-следственных отношений и, как результат, отсутствие единого подхода к ее решению [4–10]. По справедливому замечанию Г.Х. фон Вригта, «со времени Юма причинность остается «трудным ребенком» для эпистемологии и философии науки» [5, с. 71]. Эти сложности проявляются в исследовании каузации с точки зрения аргументативного подхода.

Причинно-следственное обоснование входит в число основных элементов практически всех известных классификаций аргументативных схем [1, с. 100–117]. Однако исследователи по-разному конкретизируют эту модель, по-разному интерпретируют ее применительно к тем или иным видам дискурса. Объединяет ученых, пожалуй, лишь представление общего смысла причинно-следственной аргументации, в основе которого – логическая закономерность: «всякий раз, когда имеет место причина, неизбежно возникает и ее следствие» [11, с. 10]. Это означает, что если отношения между двумя событиями (тезисом и аргументом) квалифицируются как причинно-следственные, то признание истинности аргумента-причины влечет за собой признание истинности тезиса-следствия, и, наоборот, истинность аргумента-следствия переносится на тезис-причину. Проверка качества такого рассуждения предполагает ответ на один вопрос: действительно ли между тезисом и аргументом существует каузальная связь.

В гуманитаристике эта схема трансформируется: критерий истинности уступает место критерию приемлемости. В результате речь идет не о достоверности, а лишь о правдоподобию, большей или меньшей степени вероятности получаемого знания (аргументируемой точки зрения) [12].

Модель рассуждения, основанная на отношении «причина – следствие», участвует в построении теоретического и практического обоснования.

Причинно-следственная схема в теоретической аргументации

Теоретическая аргументация направлена на подтверждение истинности знаний и предполагает оперирование дескриптивными (описательными) суждениями [9, с. 387]. В гуманитарном познании, где категории объективности, истинности, знания трансформируются в категории субъективности, правдоподобия, мнения [12, с. 266], применение такой модели, очевидно, является ограниченным.

В теоретическом обосновании схема «причина – следствие» представлена двумя разновидностями, которые дифференцируются в зависимости от направленности рассуждения. В первом случае движение мысли происходит *от причины к следствию*:

А является причиной *В*; причина *А* имеет место; значит, вероятно, следствие *В* также имеет место. (Переменные *А* и *В* обозначают высказывания о конкретных фактах/событиях и предполагают множественность подстановок). В гуманитарном обосновании нередко используются причинно-следственные цепи, где следствие некой причины становится, в свою очередь, причиной для нового следствия. Промежуточные звенья таких цепей устраняются по законам формальной логики:

Вынікам палітычнага плюралізму (*А*) **стала** дыферэнцыяцыя аўдыторыі па светапогляду, палітычных арыентацыях (*А'*). Культурныя патрэбы аўдыторыі, яе інтэлектуальныя магчымасці (*А'*) **абумовілі** развіццё і аналітычнай, і інфармацыйнай, і “бульварнай” перыёдыкі (*В*) [14, с. 110]. (1)

Приемлемость инферируемой (семантически выводимой) точки зрения автора (сучасная перыёдыка характарызуецца разнастайнасцю) следует из ссылки на ее причину (палітычны плюралізм).

Распознаванию схем аргументации в значительной мере способствуют аргументативные вербализаторы – особые языковые средства различной лексико-грамматической природы, которые, регулярно употребляясь в дискурсивной практике для объективации того или иного типа связи тезиса и аргументов, приобретают структурно-семантическую и функциональную устойчивость.

Кроме вербализаторов, выделенных в (1), в белорусскоязычном дискурсе используются следующие маркеры рассматриваемого варианта каузальной структуры аргументации: *вынікам чаго стала; у выніку гэтага; з гэтага вынікае, што; адсюль вынікае; што абумоўлівае; па гэтых прычынах; што прывяло да* и др. В русском языке эта модель индицируется схожими средствами: *поэтому; в результате чего/этого; это стало причиной; как следствие; что приводит к; чем обусловлено* и пр.

Второй вариант теоретического обоснования предполагает ход **рассуждения от следствия к причине**: *А* является причиной *В*; следствие *В* имеет место; значит, вероятно, причина *А* также имеет место. Такая схема в различных концепциях именуется по-разному: «знаковая (признаковая) аргументация» (Р. Уэйтли, О. Фрили), «симптоматическая аргументация» (Б. Гарссен), «каузальное подтверждение» (А.А. Ивин), – что не меняет сущности данной модели:

Многочисленные исследования показали, что рост агрессивного поведения, насилия и терроризма (*В*) **обусловлен** крупными и резкими социальными переменами (*А*)... [15, с. 29]. (2)

Важно заметить, что приведенные варианты каузальной схемы теоретической аргументации выполняют различные прагматические задачи: если в первом случае внимание аргументатора сосредоточивается на анализе следствий, то во втором – на анализе причин. (Очевидно, что для иллюстрации этой закономерности требуется более широкий контекст, чем в (1) и (2)).

Вербальными индикаторами второго типа обоснования являются дискурсивные русские формулы типа *обусловлена в первую очередь; такой поворот связан с; одна из причин этого явления; причиной этого стало то, что; это объясняется* и белорусские: *стала вынікам таго, што; абумоўлена/абумоўліваецца тым, што; змянілася ў выніку* и т.п.

Одна из проблем, затрудняющих исследование понятия причинности в науке, заключается в том, что «слово «причина» и вообще каузальные термины используются во множестве значений» [5, с. 73]. Применительно к аргументативному дискурсу данный факт проявляется в использовании нескольких разновидностей реализации причинно-следственных связей, что находит выражение в лексических показателях каузации. Они более разнообразно представлены в русскоязычном материале: *причина, основание, условие, фактор, импульс, следствие, результат, последствие, итог*. В бело-

русскоязычных статьях эту функцию чаще всего выполняют лексемы *причина, вынік, паказчык*. Этот факт, вероятно, отражает особенности дискурсивной практики сопоставляемых языков.

Нетрудно заметить, что схема «от следствия к причине» составляет внутреннюю структуру такой разновидности рассуждения, как *объяснение*. Не являясь типом обоснования, в гуманитарном дискурсе объяснение может приобретать аргументативный статус или использоваться в составе поддерживающего аргументацию ресурса. Разграничение собственно аргументации и объяснения затрудняется прагматической омонимичностью вербализаторов: одни и те же языковые единицы могут играть как аргументирующую роль, так и вспомогательную, ресурсную, например, рус.: *объясняется тем, что; это было обусловлено тем, что; это стало причиной того, что;* и бел.: *гэта тлумачыцца тым, што; прычыны тут розныя; што абумоўлена* и т.п. Прагматический смысл схемы раскрывается только в контексте. Сравним, например:

Отсутствие психологической культуры в большой степени объясняется слабым психологическим образованием населения [16, с. 16] (3)

и За апошнія 2–3 гады прыкметнага росту выданняў не назіраецца. Гэтай рацыянальнае тлумачэнне. Газетна-часопісны рынак перанасычаны. Знайсці праблемна-тэматычную цаліну на інфармацыйным полі ...становіцца ўсё складаней [14, с. 110] (4)

Лексически эквивалентные вербализаторы имеют существенные прагматические различия. В (3) представлена аргументация, тезис которой может быть эксплицирован следующим образом: *Вероятно, усиление психологического образования приведет к формированию психологической культуры*. Логической базой такой аргументации является закономерность: «изменение интенсивности (силы действия) причины соответствующим образом приводит к изменению интенсивности проявления следствия» [11, с. 10]. Что касается (4), то здесь нет защищаемого мнения, имеет место констатация причин очевидных фактов, т.е. объяснение.

Каузальные связи носят эмпирический характер [5, с. 71], однако в гуманитарном познании, исключая экспериментальную (опытную) проверку, эти связи являются квазиэмпирическими [8, с. 49]. Соответственно, такой же (квазиэмпирический) характер имеет и причинно-следственное обоснование. Обращение к фактам (к опыту) в гуманитаристике, как правило, сопровождается ценностным отношением аргументатора. Поэтому говорить о теоретическом обосновании в чистом виде, на наш взгляд, можно лишь весьма условно.

Причинно-следственная схема в практической аргументации

В дискурсе гуманитарных наук причинно-следственная аргументация используется преимущественно в практических рассуждениях, участвует в оформлении «практических аргументов», нацеленных на обоснование «человеческих действий и взаимоотношений» [9, с. 387]. Практические аргументы – это «суждения о ценностях и оценках, нормы, императивы, мотивационные суждения, решения, предпочтения и т.п.» [9, с. 387].

Квазиэмпирическое обоснование оценочных суждений с использованием причинно-следственной схемы имеет несколько вариантов, критерием разграничения которых служит характер возможных оценок. Следствия, вызываемые причиной, могут оцениваться как позитивные либо как негативные (в терминах логики оценки имеют позитивную (положительную) либо негативную (отрицательную) ценность [13, с. 12]).

В случае *позитивной оценки* схема имеет следующий вид: *А является причиной В; следствие В+; значит, вероятно, причина А+* (знаком «+» обозначается позитивная ценность). Аргументация, имеющая такую внутреннюю структуру, квалифицируется

как индуктивное рассуждение, обосновывающее одну оценку ссылкой на другую оценку и определенную каузальную связь [8, с. 51]:

Важнейшей причиной, способствующей внедрению системного подхода в политику (B+), стал теоретический голод, ощущавшийся в то время многими представителями политической науки (A). Он стимулировал разработку прежде всего системной теории политики (B+) [17, с. 42]. (5)

Идентификацию описанной аргументативной схемы облегчают особые языковые выражения, которые регулярно используются в русско- и белорусскоязычной коммуникации для маркирования позитивных следствий типа рус.: *обеспечивает, способствует, содействует, стимулирует*; и бел.: *забяспечвае, садзейнічае, спрыяе, стымулюе* и т.п.

При позитивной оценке следствия схема «причина-следствие» трансформируется в схему «средство – цель»: *A есть средство для достижения B; B+; значит, вероятно, A+*. Такая модель имеет терминологические варианты: «целевое обоснование» (А.А. Ивин), «прагматическая аргументация» (Х. Перельман), «инструментальная аргументация» или аргументация «к последствиям» (Ф. ван Еемерен и Р. Гроотендорст). Однако суть ее в различных концепциях одинакова: действие или событие оценивается на основании тех достоинств, которые приписываются его следствию. Прагматическое значение схемы состоит в том, чтобы внушить реципиенту желательность определенного типа действий, приводящих к достижению цели:

Захаванне і развіццё народных традыцый, мовы, самасвядомасці сёння (A⁶) выступаюць гарантам устойлівага прагрэсу сучаснай гуманітарнай прасторы чалавецтва (B+). Падмуркам фарміравання нацыянальнай дзяржаўнасці, эканомікі, культуры (B₁+) з'яўляюцца гісторыя, этналогія, фалькларыстыка, мовазнаўства (A⁰), якія забяспечваюць развіццё патрыятызму, ідэйнай свядомасці, пачуццяў гонара, высокага гістарычнага прызначэння народа... (B₂+) [18, с. 74]. (6)

В (6) два тезиса: вспомогательный (A⁶) и основной (A⁰), – которые не формулируются явно, однако легко восстанавливаются по правилам инференции (семантического вывода): A⁶ – *Сёння трэба захоўваць і развіваць народныя традыцыі, мову, самасвядомасць*; A⁰ – *Неабходна падтрымліваць гуманітарныя навукі – гісторыю, этналогію, фалькларыстыку, мовазнаўства*.

Как видно из (6), аргумент может включать несколько позитивных следствий (отмечены нижними индексами переменных), что усиливает убеждающее воздействие. Значительный прагматический потенциал подобных рассуждений, очевидно, объясняет их высокую частотность в исследованном речевом материале.

В случае **негативной оценки следствий** модель аргументации выглядит так: *A является причиной B; следствие B–; значит, вероятно, причина A–* (знак «–» обозначает негативную ценность).

Вербализация этой схемы осуществляется с помощью дискурсивных клише типа рус.: *неудивительно, что; именно это скрывает за собой; что привело к; одним из закономерных следствий стало; подрывает; затрудняет; вредит*; и бел.: *гэта вельмі шkodзіць; не на карысць; што тармозіць; не спрыяе* и др.

Коррупция в форме взяточничества считается одной из самых опасных для современного общества социальных болезней (A–), поскольку разрушает его основные «несущие конструкции» – экономику, власть и дух народа (B–) [19, с. 138]. (7)

Хачу звярнуць увагу і на некалькі сур'ёзных творчых праблем (A–), якія прыметна тармозяць тэатральны працэс (B–). Перш за ўсё гэта сур'ёзны і балючы крызіс сучаснай беларускай драматургіі (A–) [20, с. 65]. (8)

Как видно из (7) и (8), в естественноречевой коммуникации расположение тезиса и аргументов не является фиксированным, что, впрочем, никак не влияет на праг-

матическое значение модели обоснования. Экспликация в аргументе негативного следствия должна привести к осознанию реципиентом нежелательности ситуации-причины, представленной в тезисе. А значит, к оправданию действий, направленных на изменение ситуации, т.е. на устранение причины: *Взяточничество нужно искоренить* (7); *Крызіс сучаснай беларускай драматургіі неабходна пераадолець* (8).

В практической аргументации, как показывает анализ, закономерным является дистрибутивный характер использования аргументативных репрезентантов, указывающих в одном случае на позитивные, в другом – на негативные следствия.

Однако в гуманитарном дискурсе нередко употребляются аргументативные клише, которые маркируют «безразличный» характер следствий [13, с. 8]. Эти языковые единицы в равной степени могут указывать и на положительные, и на отрицательные следствия: *ведут к; привел к тому, что; в результате происходит; что позволяет; отражается на* (рус.) и *вядзе да; прывялі да; у выніку чаго; што параджае* и др. (бел.).

Прагматическое значение таких вербализаторов раскрывается только в контексте. Сравним, например:

*Модернизация экономики (А+) может ...стимулировать спрос на высококвалифицированных специалистов в различных отраслях народного хозяйства. Это **приведет к повышению престижа образования** как основного условия успешной жизненной карьеры и **восстановлению высокого социального статуса** интеллектуальной и творческой элиты общества... (В+)* [21, с. 155] (9)

и *Такое слоўнікавае неразмежаванне розных значэнняў рускай адзінкі (А–) нярэдка **вядзе да недакладнага выбару** карыстальнікамі перакладных слоўнікаў беларускага эквівалента ў пэўным кантэксце (В–)* [22, с. 9–10]. (10)

«Прагматический диссонанс» в каузальной аргументации

В процессе исследования были выявлены факты использования вербализаторов, наделенных «позитивной семантикой», для репрезентации негативных следствий. Такие примеры обнаружены только в русскоязычном речевом материале, где они не являются единичными. Вот несколько характерных дискурсивных фрагментов:

*Исследуются факторы, **способствующие воспроизводству и распространению коррупционной практики** в современном белорусском обществе* [19, с. 138]; (11)

*Сейчас в нашем обществе в большей мере востребованы психологические знания, нежели психологическая культура. Это **создает благоприятную почву для всевозможного манипулирования людьми*** [16, с. 17]; (12)

*Большинство ценностей, функционирующих в современном обществе, **способствуют тому, что агрессия и насилие активно проявляются и воспроизводятся в социуме...*** [15, с. 29]. (13)

В (11–13) имеет место несоответствие вербального представления схемы обоснования ее прагматическому значению, что затрудняет понимание аргументации и, соответственно, требует от реципиента дополнительных усилий для устранения такой семантико-прагматической рассогласованности. Подобное «диссонирующее» использование языковых индикаторов причинно-следственного обоснования мы квалифицируем как аргументативную ошибку, для обозначения которой предлагаем термин «прагматический диссонанс».

Заключение

Причинно-следственная аргументация является одним из самых распространенных видов обоснования в русско- и белорусскоязычной гуманитаристике. Авторская типология отражает разнообразие каузальных моделей аргументации (которые совпадают в дискурсах русского и белорусского языков) и вместе с тем выявляет их общее

свойство: основание для вывода представляет собой индуктивное обобщение, основанное на причинно-следственной связи.

Функционирование вербальных индикаторов когнитивных структур в русско- и белорусскоязычной коммуникации является сходным. Основные различия связаны с частотностью употребления тех или иных аргументативных вербализаторов, с особенностями лексического наполнения дискурсивных формул.

Авторский подход демонстрирует возможность сочетания логических и лингвистических средств в процессе анализа сложных, синкретичных научных объектов, таких как аргументативный дискурс.

Понимание выявленных в ходе исследования закономерностей позволит субъектам научно-гуманитарного дискурса осмысленно продуцировать и адекватно воспринимать аргументацию, основанную на причинно-следственной связи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Важнейшие концепции теории аргументации / пер. с англ. ; науч. ред. А. И. Мигунов. – СПб. : Филол. факультет СПбГУ, 2006. – 296 с.
2. Garssen, B. J. The Nature of Symptomatic Argumentation / B. J. Garssen // *Proceedings of the Fourth International Conference of the International Society for the Study of Argumentation* / ed. F. H. van Eemeren [et al.]. – Amsterdam : Sic Sat, 1999. – P. 225–227.
3. Eemeren, F. H. van. *Fundamentals of Argumentation Theory: A Handbook of Historical Backgrounds and Contemporary Developments* / F. H. van Eemeren [et al.]. – Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum, 1996. – XI. – 424 p.
4. Вендлер, З. Причинные отношения / З. Вендлер // *Новое в зарубежной лингвистике*. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 18 : Логический анализ естественного языка. – С. 264–276.
5. Вригт, Г. Х. фон. Объяснение и понимание / Г. Х. фон Вригт // *Логико-философские исследования : избр. тр. ; пер. с англ. / Г. Х. фон Вригт*. – М. : Прогресс, 1986. – С. 35–242.
6. Рассел, Б. Постулаты научного вывода / Б. Рассел // *Человеческое познание. Его сфера и границы : пер. с англ. / Б. Рассел*. – Киев : Ника-ЦентрМ, Ин-т общегуманитар. исслед., 2001. – 449–542.
7. Арутюнова, Н. Д. Логико-коммуникативная функция и значение слова / Н. Д. Арутюнова // *Язык и мир человека* / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Язык русской культуры : Кошелев, 1999. – С. 1–94.
8. Ивин, А. А. Ценности и целевое обоснование / А. А. Ивин // *Мысль и искусство аргументации* / Ин-т филос. РАН. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – С. 43–58.
9. Курбатов, В. И. Практический аргумент: проблема его логической структуры / В. И. Курбатов // *Философские проблемы аргументации* / АН АрмССР. Арм. отд-ние филос. об-ва СССР ; редкол.: Г. А. Брутян [и др.]. – Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1986. – С. 387–398.
10. Степанов, Ю. С. Концепт «причина» и два подхода к концептуальному анализу языка – логический и сублогический / Ю. С. Степанов // *Логический анализ языка. Культурные концепты*. – М. : Наука, 1991. – С. 5–14.
11. Савчук, Т. Н. Логика : в 3 ч. / Т. Н. Савчук. – Минск : Изд-во МИУ, 2004. – Ч. 3 : Недедуктивные выводы. Логические основы общения. – 51 с.
12. Савчук, Т. Н. Прагматика научного гуманитарного дискурса (аргументативный аспект) / Т. Н. Савчук // *Язык и межкультурные коммуникации : материалы V Междунар. науч. конф., Минск–Вильнюс, 19–23 мая 2015 г.* / Белорус. гос. пед. ун-т

им. М. Танка ; редкол. В. Д. Стариченок [и др.] ; отв. ред. В. Д. Стариченок. – Минск : БГПУ, 2015. – С. 263–267.

13. Ивин, А. А. Основания логики оценок / А. А. Ивин. – М. : Изд-во Моск. унта, 1970. – 230 с.

14. Вараб'ёў, В. Не «чацвёртая ўлада», а палітычны інстытут грамадства! / В. Вараб'ёў // Беларус. думка. – 2003. – № 4. – С. 108–118.

15. Ениколопов, С. Н. Терроризм и агрессивное поведение / С. Н. Ениколопов // Нац. психол. журн. – 2007. – № 2. – С. 28–32.

16. Дубровина, И. В. Психологическая культура и образование / И. В. Дубровина // Нац. психол. журн. – 2007. – № 2. – С. 16–20.

17. Котляров, И. В. Политическая система Беларуси: теоретическое регулирование и социологическое осмысление / И. В. Котляров // Социол. альманах. Вып. 2. – Минск : Беларус. навука, 2011. – С. 41–53.

18. Лакотка, А. І. Акадэмічная навука – развіццю нацыянальнай культуры / А. І. Лакотка // Вес. НАН Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2014. – № 1. – С. 74–87.

19. Бубнов, Ю. М. Коррупция как социальная болезнь / Ю. М. Бубнов // Социол. альманах. Вып. 2. – Минск : Беларус. навука, 2011. – С. 138–149.

20. Смольскі, Р. Мастацкі лідэр – не пасада, а місія / Р. Смольскі // Беларус. думка. – 2008. – № 3. – С. 62–67.

21. Тарасов, В. С. Социальная политика как средство предупреждения и борьбы с девиантным поведением и другими антиобщественными явлениями среди населения Беларуси / В. С. Тарасов // Социол. альманах. Вып. 2. – Минск : Беларус. навука, 2011. – С. 150–157.

22. Нікалаева, В. М. Двухмоўная лексікаграфія: праблемы складання руска-беларускіх слоўнікаў / В. М. Нікалаева, Т. М. Трухан // Беларус. лінгвістыка. Вып. 67. – 2011. – С. 3–14.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 03.02.2016

Savtchuk T.N. Cause to Effect Argumentation in Russian and Belarusian Humanities

The role and the specific of causal reasoning in the discourse of the humanities are defined. The argumentative models based on the relation of «cause to effect» are determined, typology of the models is produced and pragmatic differences of them are characterized. The ability to use logical tools to analyze the discourse phenomena is demonstrated. The regular patterns of language representation of cognitive structures are ascertained, pragmatic properties of argumentative markers are explicated. The similarities and differences in the ways of objectification of causal schemes of reasoning in scientific humanitarian discourse of the Russian and Belarusian languages are determined.